

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Состояние и перспективы изучения социальных классов: междисциплинарная конференция



19 апреля 2016 года в Институте социологии НАН Украины прошла Всеукраинская научная конференция “Социальные классы в Украине: направления теоретических и эмпирических исследований”¹. Организаторы конференции — сотрудники отдела социальных структур института — ставили перед собой задачу создать дискуссионную площадку для обсуждения теоретических и эмпирических аспектов изучения социально-структурной проблематики и оживить отечественный дискурс относительно классового анализа². Особенностью данной конференции был ее междисциплинарный характер. Несмотря на то, что социальная структура и классы являются объектом исследования историков, экономистов, социологов, политологов, лингвистов, междисциплинарные связи среди отечественных исследователей социальной структуры довольно слабы. Поэтому к научному диалогу были приглашены сотрудники Института истории Украины НАН Украины, и на каждой из трех сессий конференций был микс докладов историков и социологов о теоретико-методо-

¹ Программу конференции, презентации докладов и фотоотчет см.: <http://simonchuk.kiev.ua/conferences/conf-2016/>.

² Первая конференция по классовой тематике, проведенная в 2012 году, была посвящена исследованиям классовых интересов и конфликтов. Отчет о ней см.: <http://simonchuk.kiev.ua/conferences/conf-2012/>; см. также: *Симончук О.* Час класової мобілізації? // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2012. — № 3. — С. 186–204.

логическом аппарате и историографии исследований социальной структуры в целом и отдельных социальных групп прошлого и настоящего¹. Кроме того, проблематика конференции была удачно визуализирована с помощью выставки советского плаката по классовой и трудовой тематике 1950–1980-х годов².

С приветственным словом выступили организаторы конференции. **Валерий Ворона** (директор Института социологии НАНУ) акцентировал внимание на трех моментах: 1) на логичности и актуальности расширения междисциплинарного круга исследователей и дискутантов проблематики социальной структуры, поскольку она является центральной не только для социологии, но и других общественных наук; 2) на важности изучения социальной структуры общества в ее статике и динамике (например, отечественными социологами выявлена динамика в восприятии населением субъектов общественного развития: если в 1980-е годы главными акторами считали рабочий класс и крестьянство, то теперь — руководителей предприятий, предпринимателей, политиков, мафию); 3) на роли Института социологии в создании достоверной эмпирической базы для исследований социоструктурных проблем (в частности, мониторинговый опрос “Украинское общество” и ряд международных проектов). **Евгений Головаха** (заместитель директора Института социологии НАНУ) отметил, что социологи завидуют историкам, поскольку те изучают социальную структуру преимущественно советского периода, когда классы были четко определены, а классовые различия очевидны. Хотя в тогдашней традиции доминировала теория социальной аннигиляции (сначала одни классы уничтожали другие, затем победившие классы якобы стремились к уничтожению себя самих через сближение социальных характеристик). В результате действительно произошла социальная аннигиляция, потому что многие властные, экономические, социальные институты и группы исчезли, а на их месте стало создаваться нечто неопределенное. Если исчезают одни идеологические классы (например, Е. Симончук изучала, куда исчез рабочий класс), то появляются некие новые. Так, в последнее десятилетие внимание сосредоточено на концепте “средний класс”; конструируются и иные концепты — “креативный класс” и, условно говоря, “фейсбук-класс”, делающий революции (считают, что и арабская весна, и украинский Майдан начинались с записей в фейсбуке). Наиболее же актуальными для обсуждения, по мнению Е. Головахи, являются такие вопросы: что случилось с прежними классами, каковы новые и как они сосуществуют? **Ольга Куценко** (Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, вице-президент САУ), отметив значимую роль отдела социальных структур Института социологии в развитии отечественного классового анализа, от имени Социологической ассоциации Украины приветствовала инициативу проведения конференций по социоструктурной тематике как способствующую и более глубокому пониманию украинского общества, и заинтересованности обществоведов и общественности в результатах социоструктурных проектов. Она отметила, что особенно ценен междисциплинарный характер данной конференции, поскольку много раз обращалось внимание на недостаток связей с учеными из других отраслей знания. Еще в 1998-м году Иммануил Валлерстайн на конгрессе Международной социологической ассоциации в Монреале аргументировал тезис о сдвиге в развитии мировой социологии в сторону междисциплинарности. В отличие от этой

¹ На конференции были представлены стенды с изданиями по социально-структурной тематике четырех организаций-участниц — Института социологии НАНУ, Института истории Украины НАНУ, Центра Разумкова и Центра социальных и трудовых исследований (список публикаций см.: <http://simonchuk.kiev.ua/posts/>).

² В конференц-зале Института социологии экспонировалась коллекция советского плаката по классовой и трудовой тематике 1950–1980-х годов из коллекций Ирины Вештак-Остроменской и Владимира Вештака и Елены и Владимира Симончук.

тенденции, отечественным социологам слишком много времени пришлось уделять отстаиванию дисциплинарных границ социологии. Однако приходит время смотреть не столько на границы, сколько на предметное поле, на возможности объединения теоретических, методологических, инструментальных усилий для лучшего понимания общества. О.Куценко приветствовала идею пригласить на данную конференцию историков и узнать об их разработках.

Доклады первой сессии **“Социальная структура в исследованиях социологов и историков”**, модератором которой выступал **Сергей Макеев** (Институт социологии НАНУ), были посвящены онтологическим и гносеологическим аспектам изучения социально-классовой структуры советского и постсоветского общества.

Доклад **Елены Симончук** (Институт социологии НАНУ) *“Институционализация классового анализа в украинской социологии”* был посвящен обсуждению статуса классового анализа в отечественной науке. (На основе доклада подготовлена статья, опубликованная в этом номере журнала.) Выделив признаки институционализации какой-либо научной дисциплины в трех сферах (теоретической, эмпирической и организационной) и проанализировав на их основе историю исследований социальных классов в постсоветский период, докладчица приходит к выводу об институционализации классового анализа в отечественной социологии. В докладе зафиксирован ряд трендов в его современном развитии, а также обозначены успехи и проблемы на этом пути. Среди достижений — освобождение от идеологической цензуры и свобода исследовательского поиска, оправданное сочетание национально-ориентированных и глобальных методологических и инструментальных подходов, теоретическая и эмпирическая разработка всех традиционных тем классового анализа, включенность в международные исследовательские проекты, расширение баз и видов эмпирических данных, создание архивов, обсуждение проблематики на всеукраинских и международных конференциях, оформление научно-исследовательских центров, многочисленные публикации по классовой проблематике. В качестве проблем названы относительное снижение с 2010-х годов профильных публикаций, острый дефицит финансирования эмпирических исследований, нерегулярность проведения профильных конференций, отход ряда авторитетных классовых аналитиков от активных исследований и одновременно слабый приток молодых исследователей в эту социологическую отрасль.

Ольга Куценко (Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко) представила доклад *“Социологические поиски структуры в украинском обществе постсоветской эпохи”*, остановившись на двух основных моментах. (1) Соглашаясь с мнением Е.Головахи, что в отечественной социологии классовое направление по сравнению с другими — одно из наиболее развитых (расширена эмпирическая база, проведены сравнительные исследования, отработаны методики, опубликован широкий ряд монографий и статей), О.Куценко отметила, что в то же время этот уровень невысок по сравнению с западной социологией, где классовый анализ и сейчас рассматривается в качестве одного из наиболее мощных объяснительных средств для понимания процессов функционирования современных обществ, где интенсивно разрабатываются вопросы теории, методологии, инструментария. В отечественной социологии есть интересные и сильные отдельные работы, локализованные направления деятельности, однако не сложилось должного внимания и интереса к этому инструменту социологического познания (в частности, студентам-социологам это направление стало неинтересным, о чем свидетельствует выбор тем курсовых, квалификационных, научных работ). Таким образом, теряется накопленный ранее потенциал и образуется познавательная лакуна, которую следует заполнить, наращивая исследовательские усилия и повышая качество подходов к пониманию основ функционирования общества. (2) Изучение социально-классовой структуры отечественные исследователи начали с середины 1990-х годов, однако их результаты скорее разочаровывали, поскольку на основании представлений об этих классов-

вых характеристиках общества не удавалось объяснять различия в поведении людей, например, при прогнозировании политических выборов или социальных действий в конкретной ситуации, дифференциацию стилей жизни и ценностных ориентаций (хотя есть отдельные эмпирические работы, раскрывающие связи между принадлежностью к социально-классовым категориям и различиями в политическом поведении, ценностном сознании). Слабость объяснительного потенциала классового анализа подводит к мысли, что либо в украинском обществе нет классов (отсутствует классовая структура), либо неадекватен используемый нами методический инструмент, либо недостает эмпирически обоснованных исследований с привлечением классового подхода. Если верен первый тезис (отсутствует структура, нет выраженных социальных классов, выделяемых на основе материальных интересов, не сформировались классовые отношения и практики), то стоит вспомнить один из ключевых тезисов книги Умберто Эко “Отсутствующая структура” (“если не структура, то что остается для понимания общества?”) и переключиться на изучение культуры и ее форм. Однако разнообразные эмпирические факты поддерживают сомнения в отношении тезиса об “отсутствующих классах” в украинском обществе. Для подтверждения одного из сформулированных выше тезисов необходимо выдвигать гипотезы и проводить систематические исследования.

Оксана Юркова (Институт истории Украины НАНУ) в докладе *“Исторические исследования социальной структуры в Украине в XX — начале XXI в.: институциональное и историографическое измерения”* сделала обзор достижений украинских академических историков в изучении социальной структуры украинского общества, а также показала изменения теоретико-методологического аппарата исследований и организационной структуры исторических академических учреждений (в частности, Института истории Украины НАН Украины). История крестьянства, казачества и городского населения, а также рабочего класса и буржуазии в Украине была предметом исследований историков уже с самого начала создания Украинской академии наук. Эти темы были в центре внимания ученых, работавших на Научно-исследовательской кафедре истории Украины при УАН под руководством акад. М. Грушевского и возглавляемой акад. Д. Багалеем Комиссии по изучению социально-экономической истории Украины XVIII–XIX вв. в связи с историей революционной борьбы. Исследования социальной структуры продолжались в созданном в 1936 году Институте истории НАН Украины (об истории института и основных исследованиях за все время его существования см. буклет “Історики та ‘Історії’”). Организационная структура института в советский период основывалась на социально-экономической формационной теории (секторы истории Украины времен феодализма, капитализма, советского периода), неоднократно усложняясь и реформируясь под влиянием различных общественных процессов и новых исследовательских приоритетов. Больше всего рос и переформатировался отдел истории Украины советского периода. В 1950–1960-е годы наибольшим достижением в исследовании социально-классовой структуры было издание двухтомных монографий “Історія робітничого класу Української РСР” и “Історія селянства Української РСР”. В 1960–1970-е годы были реализованы два крупных многолетних исследовательских проекта — “Історія міст і сіл України” и “Історія УРСР”. В 1970–1980 годы произошел переход к исследованию социально-политической жизни трудящихся. В начале 1990-х годов Институт истории Украины принципиально реформировал свою организационную структуру, отказавшись от построения отделов по формационному признаку и выбрав цивилизационный подход. От исследований революционной борьбы крестьянства и рабочего класса перешли к более детальному исследованию этих социальных групп. В это время открываются архивы, вводятся в научный оборот новые источники и имена. Исследователи вернулись к изучению истории рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, но на основе новой теоретической и источниковой базы. Кроме того, появились исследования ранее табуиро-

ванных тем, к примеру, истории предпринимательства, буржуазии, номенклатуры (например, коллективное исследование “Історія державної служби в Україні”). Со второй половины 2000-х годов была учреждена серия “З історії повсякденного життя в Україні”, различными отделами издавались коллективные монографии, где исследуется история различных социальных групп в эпоху нэпа, в 1930-е годы, во второй половине XX века. В коллективной монографии “Суспільство і влада в радянській Україні: ні рокив непу” уделяется внимание традиционным социально-классовым структурам и отдельным профессиональным слоям. Докладчица обратила внимание, что все публикации есть в открытом доступе на сайте Института истории Украины (www.history.org.ua).

Станислав Кульчицкий (Институт истории Украины НАНУ) представил доклад “Деформація соціальної структури общества в ході комуністических преобранований”. Речь в нем шла о том, что “эксплуататорские” классы были уничтожены, номенклатура не стала классом, а рабочие и крестьяне, то есть “трудящиеся” классы потеряли признаки классовых сообществ. Процесс “раскрестьянивания” привел к пролетаризации крестьян. Городские же пролетарии стали двойными пролетариями: если в капиталистическом обществе они были владельцами своей рабочей силы, которую, создав профсоюзы, продавали капиталистам достаточно дорого, то в социалистическом обществе (которое следует назвать коммуносоциализмом) частная собственность, в том числе на рабочую силу рабочего, не была уничтожена, поскольку она неистребима в принципе. Общество было пролетаризировано государством, а государство, вместе с номенклатурой, попало в крепостническую зависимость от построенной по принципу “демократического централизма” партии, которая, в свою очередь, попала в крепостническую зависимость от своего руководства: сначала Центрального комитета, затем — политбюро ЦК, затем — отдельно взятого диктатора. Таков коммунизм. Преодоление этой деформации требует не одного десятилетия. Это надо понять и учесть при изучении классового образования в постсоветский период, который является возвращением к нормальному состоянию.

Доклады **первой сессии** вызвали живое обсуждение среди участников конференции. **Евгений Головаха** (Институт социологии НАНУ) отметил, что из двух прозвучавших точек зрения на развитие классового анализа в Украине (негативная и более мирная) он придерживается второй. Несмотря на отсутствие каких-то выдающихся результатов, он высоко оценивает реализованные исследования по классовой проблематике по той простой причине, что они, в отличие от большинства других, осуществляются “правильно”. Случился, в частности, выход украинской социологии на международную арену, социологи включились в международные сравнительные проекты, стали членами международных профессиональных ассоциаций и участвуют в международных конференциях (не случайно из пяти участников от Украины на Европейском социологическом конгрессе в 2015 году трое были сотрудниками отдела социальных структур). Это одно из главных условий, чтобы украинская социология была наукой, а не в кавычках “украинской социологией”. Кроме того, прецедент критики в отношении наших академических наработок о классовой структуре — хороший знак (других не сильно критикуют), свидетельство, что в области социоструктурных исследований действительно многое уже сделано, это важный шаг в той самой институционализации классового анализа. Нам надо это приветствовать и добиваться, чтобы все наши достижения получали критическую оценку. **Наталья Костенко** (Институт социологии НАНУ) высказала свои впечатления от выставки советских плакатов, вызывающих ностальгическую реакцию и в то же время вдохновляющих на поиск особой исследовательской техники образов, уместной в изучении классов. Собранные вместе, в их красочности и концентрированности, плакаты недвусмысленно воплощают эту классовую структуру, эти натянутые классовые струны, классовые противостояния. Хорошо известно, что искусство, литература часто дают более впечатляющие описания структур, какими

они считываются с повседневности и жизни в целом, нежели многие наши концептуальные построения. Скажем, кто лучше представил бы нам императивы и практики такой социально-профессиональной группы, как дворецкий, чем это сделал Кандзуэ Исигуру в своем романе “Остаток дня”. На Дюркгейма, как предполагают, довольно существенно повлияли импрессионисты, научившие, как сощурить глаза, чтобы увидеть жесткие соединения структурного каркаса. Подобных примеров множество. В докладе Е.Симончук представлен арсенал методов, которые сегодня успешно применяются в классовом анализе. Пожалуй, стоит добавить к ним и посткачественные исследования, к примеру, обращение к анализу литературы, в том числе и современной, что позволит обогатить наше представление о классах. **Сергей Макеев** (Институт социологии НАНУ) отметил, что Маркс как-то написал: “Я принадлежу к классу буржуа со всеми его заблуждениями, солидарностями, ценностями и идеалами”. Что можно приписать классам сегодня? Ведь никто (из социологов, по крайней мере) сегодня не повторит такие слова. Относительно анализа литературы стоит обратиться к книге “Буржуа. Между историей и литературой” итальянского литературоведа Франко Моретти, который детально исследует фигуру буржуа в литературных произведениях XIX века. Подсчитав частоту употребления слова “буржуа”, он обнаружил, что в сотнях проанализированных романов и повестей оно встречается всего восемь раз. То есть данный термин в художественную литературу практически не вошел; там использовались иные слова — “богатый”, “успешный”, “влиятельный”, “эффективный”, “трудящийся господин”, но никак не буржуа. Говорить сегодня про капитализм, что он буржуазный, тоже какое-то словосочетание несовместимое.

Вторая сессия “*Социальные группы в период советской и постсоветской эпохи*” (модератор — **Светлана Оксамитная**, Национальный университет “Киево-Могилянская академия”) была посвящена исследовательским проектам отдельных классов и групп со стороны историков (о номенклатуре и учительстве) и социологов (о собственниках крупного капитала, рабочем и среднем классах).

В докладе “*Положение рабочего класса в современной Украине*” **Татьяна Петрушина** (Институт социологии НАНУ) рассказала о первом за годы независимости всеукраинском массовом опросе рабочих, проведенном отделом экономической социологии Института социологии НАНУ в 2013 году. (На основе доклада подготовлена статья, опубликованная в этом номере журнала.) Главной целью исследования было получение эмпирически обоснованного знания о реальном состоянии современного рабочего класса Украины после проведения радикальных социально-экономических трансформаций общества. Несмотря на существенное сокращение и структурные изменения рабочего класса в Украине, рабочие остаются, по данным социологического мониторинга, самой большой по численности группой среди занятого населения страны. При формировании репрезентативной выборки исследователи исходили из статистической информации о распределении наемных работников по видам экономической деятельности (промышленность, строительство, транспорт и связь, торговля, ремонт и услуги) с учетом пола, возраста и области проживания работников и данных профильных министерств об имеющихся промышленных предприятиях. Полученные данные позволили проанализировать многие вопросы: качество жизни и социальное самочувствие рабочих; их поведенческие характеристики, экономическая культура, трудовые мотивы и ценности; классовое и политическое сознание; реальные социально-трудовые отношения (как между рабочими, так и между рабочими и администрацией предприятий); соблюдение трудовых прав работников; удовлетворенность деятельностью профсоюзов; выполнение положений коллективных договоров и другие.

Михаил Мищенко (Центр Разумкова) в своем докладе “*Средний класс как объективированная идеологема*”, ознакомил с историей разработки проекта о среднем классе (его этапами, методологией, эмпирической базой), а основное внимание уделил

проблеме “идеологического обеспечения” функционирования социальных классов на примере среднего класса, характеризуя его как “объективированную идеологему”. Каждая большая социальная группа как субъект социального действия существует постольку, поскольку сформирована “идеологическая основа” ее функционирования. Так же как в свое время рабочий класс превратился в реально существующую и действующую социальную общность под влиянием идеологических течений социалистического и коммунистического толка, разнообразные либеральные концепции среднего класса выполняют социально-инженерную функцию, формируя социальную общность “средний класс”. Социальные концепции могут стать классоформирующим фактором, если “опускаются” на уровень “повседневной идеологии” и социальной мифологии. В формировании конструкта среднего класса в массовом сознании сыграли роль такие мифологемы: “срединности” (как “умеренности”), “демократичности”, “нормативности” (среднего класса как субъекта создания представлений о том, что является социальной нормой), “конструктивности” (в противовес “деструктивности” социальных аутсайдеров), “прогрессивности”. Феномен “объективированной идеологемы” имеет два аспекта. С одной стороны, характеристики, приписываемые идеологией социальной общности, способны “материализоваться” в реальности, поскольку идеология формирует “смысловое поле”, в рамках которого происходит консолидация сообщества. С другой стороны, существуют противоречия между созданным на основе идеологии “идеальным образом” сообщества и его реальными характеристиками. Если эти различия становятся достаточно выраженными, они могут стать основанием для “разрушения” идеологии, которая выступала идейной основой формирования данного сообщества.

В докладе “*Владельцы крупного капитала в Украине: социальный портрет*” Александр Рахманов (Киевский национальный экономический университет имени Вадима Гетьмана) представил проект изучения генезиса, численности, внутренней структуры этой социальной группы. На базе анализа опубликованных в СМИ биографических материалов очерчен социальный портрет крупных собственников (численность этого социального слоя составляет до 0,5% взрослого населения) — возрастная, образовательная, региональная и поселенческая структура данной группы, а также дифференциация по социальному происхождению и отраслевой основе бизнеса. Выделено семь способов создания крупного капитала в Украине: два из них характерны для стартовавших в поздний советский период и занимавших на момент начала структурных преобразований позиции руководителя предприятия (“красные директора”) или номенклатурные должности во властной, партийной или комсомольской структуре; пять иных способов характеризуют генезис капитала в годы независимости — занятие позиций во властных или силовых органах; наследование семейного капитала; создание бизнеса с нуля (накопление первоначального капитала путем создания кооперативов, занятия челночной торговлей); “менеджеральный” карьерный путь от руководителя подразделения к позиции топ-менеджера компании. Крупные собственники отличаются высоким уровнем вовлеченности в общественные процессы, большинство из них имели опыт государственной или политической деятельности (для сравнения: членами какой-либо партии были 33% крупных собственников и лишь 3% среди всего населения).

Виктор Крупина (Институт истории Украины НАНУ) в докладе “*Социальный портрет советской номенклатуры*” отметил, что современный анализ номенклатуры базируется на различных теоретических подходах к ее определению (через концепты элиты, класса, касты, бюрократии, социального института, социально-профессионального слоя), обширной (советской, постсоветской, западной) историографии, учитывая разнообразные источники официального (постановления, данные статистики, личные дела) и частного (мемуары, дневники, письма, фотографии) происхождения. Кадровая политика при рекрутировании кандидатов на высокие номенклатурные должности в 1946–1965 годах основывалась на ряде критериев: ло-

альность (политическая и личная), исполнительская дисциплина, социальное происхождение, род занятий кандидата и его ближайших родственников в прошлом, незапятнанность сотрудничеством с врагом в годы войны, партийный стаж, национальность. Номенклатура в этот период все больше обособлялась, превращалась в закрытое сообщество, охраняющее свои права и привилегии (настроение высоко-статусных работников передают слова одного из сотрудников Харьковского обкома КПУ: “Попал в номенклатуру — теперь главная забота, чтобы не выпасть. Как вареник в макитре — сегодня можешь быть вверху, завтра — внизу, но не выпадай из макитры”). Описывая изменение социального портрета первых лиц региональной и местной партийной и советской номенклатурной иерархии в 1946–1965 годах, докладчик отметил постепенное повышение образовательного уровня этой группы (доля лиц с высшим образованием возросла в этот период с 13–34% до 90% за счет почти 40% выпускников партийно-политических школ), доминирование по базовому образованию выпускников инженерно-технических, сельскохозяйственных, педагогических вузов и университетов и незначительное представительство на руководящих должностях юристов, экономистов, врачей, строителей, журналистов. Национальный состав руководящих кадров в 1946–1965 годах на всех уровнях преимущественно (до 80%) состоял из украинцев.

Геннадий Ефименко (Институт истории Украины НАНУ) в докладе *“Социальный статус учительства в УССР в межвоенный период”* рассмотрел предмет через такие показатели, как количество и доля этой категории в обществе, ее субъектность / объектность в отношениях с властью, влияние на формирование настроений общества, материальное положение учителя. Доля учительства в обществе за почти 20-летний период — с 1921 года до начала 1939-го не была постоянной. Если в первые годы (до 1923-го включительно) этот показатель уменьшился до 0,18%, то начиная с 1924-го началось увеличение вплоть до 0,63% населения в 1939 году. Менялось и соотношение доли сельского и городского учительства, на динамику которого влияли различные факторы. Роль учительства в межвоенный период, как раз когда советская Украина модернизировалась — переходила от аграрного к индустриальному обществу, росла, как в любой стране в условиях модернизации. Главной задачей образовательных учреждений в то время было провозглашено “научить, приспособить миллионы рабочих и крестьян к требованиям хозяйственного строительства”, однако утверждалось, что учительство должно быть “проводником не только общего, но и коммунистического просвещения в массы”. Статус учительства менялся из-за изменений его субъектности / объектности в отношениях с властью и влияния на массы. Учительство (как слой) определенное время влияло на решения властей и на формирование настроений общества. С начала 1930-х годов оно теряет свою субъектность, после того как путем идеологического и административного давления учителей постепенно сделали прислужниками режима. Докладчик подчеркнул, что в первые годы советской власти одним из маркеров отношения к учительству был статус украинского языка. Худшими такие отношения были в 1921–1922 годах, когда во властных верхах не скрывали своего недовольства осуществляемым Наркоматом образования УССР курсом на языковую украинизацию и даже самому термину “украинизация” придавали антикоммунистическую окраску. Тогда в ходу было понятие “петлюровское учительство” и количество учителей стремительно сокращалось. Зато с изменением партийного курса и официальным утверждением политики украинизации / коренизации в конце 1922-го — начале 1923-го отношение власти к учительству улучшилось. Далее докладчик ознакомил еще с рядом характеристик учительства — их распределением по стажу, социальному происхождению, образованию, а также обратил внимание на тяжелое материальное положение учителей.

Третья сессия *“Солидарности и протесты”* (модератор **Ольга Иващенко**, Институт социологии НАНУ) была посвящена разнообразным практикам солидар-

ности и протестного поведения разных социальных групп и в разные периоды истории Украины.

Игорь Мартынюк (Институт социологии НАНУ) в докладе “*Солидаризация как механизм формирования крупных социальных групп*” отметил важность учета при изучении классов взаимосвязи онтологического и гносеологического: очевидна зависимость научных представлений о социальной структурированности общества от аналитического подхода исследователя; при этом в изучении классов значимы также идеологические предпосылки. В советское время классовая структура рассматривалась как ключевое звено в социальном устройстве общества, в современной социологии равное значение придается и национальной, расовой, религиозной структурам (тезис полиструктурности). В возникновении любых социальных структур значим механизм солидаризации. Категория “солидаризация”, возникшая при изучении рабочего класса и противостояния его иным классам, расширила сферу употребления, охватывая теперь и другие объединения акторов — от ситуативной солидарности (например, спортивные болельщики) до социальных общностей, основанных на долгосрочных объективных интересах. Без чувства общности, принадлежности и готовности действовать во имя общих целей нет смысла говорить о классе. Еще Дюркгейм исходил из того, что солидаризация, а значит и классовое деление, проистекает из функциональной специализации, закрепляемой в модусах действий, системе оценок, ценностей, ориентаций, то есть субъективной реальности актора. В марксистской терминологии класс-в-себе превращается в класс-для-себя, осознав свои интересы, свое место, восприняв классовую идеологию, то есть с помощью механизма солидаризации. В реальной жизни солидаризация возникает не через рациональное осознание интересов, а через взаимодействие, общение, эмоциональное переживание. Если солидарность устойчива и воспроизводится, на ее основе возникает самоидентификация, определенная позиция, формируются рационально осмысленные ценностные ориентации, которые (на уровне мифологемы / идеологемы и т.п.) превращаются в убежденность субъекта. Дальнейший этап — институционализация: когда солидарность упрочивается, возникают некие формы организации. Если возникает “мы”, оно всегда существует в противостоянии с “они”. Противостояние, проистекающее из различий интересов, неизбежно в любом обществе и может быть скрытым, латентным или открытым, решительным вплоть до вооруженных столкновений. Вопрос в том, какова конфигурация тех солидаритетов, на которых зиждется единство данной социальной группы. С точки зрения солидарности класс — это некая конфигурация разнообразных и касающихся разных сфер солидаритетов, разделяемых представителями данного класса. В анализе класса следует отталкиваться от полиморфности современного общества, сознания и системы солидаритетов. Ситуация полного единства членов групп в принципе невозможна, однако признание тех или иных приоритетов как институционализационное оформление действующих в нем солидаритетов и определяет структуриацию общества.

Оксана Дутчак (Центр социальных и трудовых исследований) в докладе “*Протесты наемных работников в Украине в контексте теории маятника Карла Поланьи*” излагает результаты исследования динамики и основных характеристик протестов наемных работников в Украине и проверяет тезиса о релевантности применения теории маятниковых сил К.Поланьи в анализе краткосрочной динамики на уровне одной страны. (Статью, подготовленную на основе доклада, см. в данном номере журнала.) Объясняя теоретические предпочтения своего исследования, О.Дутчак отмечает, что теория К.Поланьи о маятниковых силах и двойном движении между кризисом легитимности и кризисом доходности дала толчок многочисленным в западной социологии исследованиям общих социально-экономических трансформаций и роли в них протестов наемных работников, что вдохновило ее применить эту теорию к анализу динамики и особенностей протестов наемных работников в Украине в начале 2010-х годов в контексте более широких социаль-

но-экономических и политических процессов. Источником эмпирических данных для исследования стали данные мониторинга протестов, репрессий и уступок (Ukrainian Protest and Coercion Database Project). Докладчица сформулировала следующие выводы: 1) данные указывают на то, что движение за права наемных работников в Украине имеет преимущественно защитный и локальный характер, испытываемая проблемы с мобилизацией ресурсов; 2) макротерия К.Полани может быть применена к объяснению динамики протестов наемных работников в Украине в широком социально-экономическом и политическом контексте; кроме того, она позволяет говорить о связи между протестами наемных работников и массовой мобилизацией, которая имела место в конце 2013 — начале 2014 года.

В докладе *“Проблемы формирования социального диалога в сфере труда на пострадавших от военного конфликта территориях (опыт Донецкой области)”* **Оксана Панькова** (Институт экономики промышленности НАН Украины) проанализировала социально-экономическую ситуацию и состояние социального диалога в сфере труда в обозначенном регионе, раскрыла основные причины протестной активности работающего населения этого региона и подчеркнула необходимость расширения формата социального диалога. Социально-экономическая ситуация в данном регионе определяется последствиями затянувшегося военного конфликта: разрушение жилой, транспортной и энергетической инфраструктуры; деградация многих монофункциональных городов из-за разрушения и закрытия градообразующих предприятий (машиностроение, металлургия, химическая и добывающая промышленность); снижение экономической активности средних и малых предприятий на 80–90%; снижение объема промышленной продукции Донецкой области (без учета части зоны АТО) за первое полугодие 2015 года почти на 50%; закрытие 74 из 119 угольных шахт из-за повреждений и логистических проблем; ухудшение ситуации на рынке занятости (потери рабочих мест составляют от 50% на крупных предприятиях региона до 80–90% на малых и средних, вследствие чего до 1,8 млн трудоспособных лиц региона остались — частично или полностью — без работы и средств к существованию). Основные причины роста протестного потенциала в области в 2016 году — несвоевременная выплата зарплат и задолженности по ней на действующих предприятиях. Ликвидация последствий войны на Донбассе — предмет расширенного социального диалога. В I квартале 2016 года Донецким отделением Национальной службы посредничества и примирения Украины проводилась работа по урегулированию 12 случаев дестабилизации социально-трудовых отношений; зафиксировано две акции протеста шахтеров и членов их семей. Коллективные трудовые споры зарегистрированы и в ряде предприятий на оккупированных территориях, где проведение примирительных процедур невозможно. Лишены возможности защиты своих социальных прав и работники предприятий, зарегистрированных в Украине, но находящихся на оккупированной территории. О.Панькова отметила, что социальный диалог в Украине и регионах в нынешних условиях не должен ограничиваться традиционным кругом участников “власть – работодатели – профсоюзы”, в него должны включаться разные организованные формы коллективного интереса — от трудовых коллективов до территориальных общин и общественных организаций.

В докладе *“Практики социального сотрудничества горожан нижних слоев среднего сословия во второй половине XIX — начале XX века”* **Наталья Бацак** (Институт истории Украины НАНУ) изложила историю зарождения в Украине разнообразных форм социального сотрудничества и защиты горожан. В качестве примера рассмотрены практики социальной самоорганизации нижнего слоя среднего сословия украинских городов, основу которого составляли служащие в торгово-промышленных фирмах и у частных лиц (приказчики, купеческие агенты, посредники, конторщики, управляющие делами, экономы). Среди различных форм общественной самоорганизации среднего сословия, возникавших в это время в Украине, первым профессиональным обществом торговых служащих было Общество взаимопомощи приказчи-

ков-евреев в Одессе; на начало XX века подобные организации действовали во всех больших торгово-промышленных городах Украины. Распространение обществ этого типа было связано с ограничениями в законодательстве империи, затруднявшими основание иных общественных организаций, кроме благотворительных и кредитно-финансовых. Собственно это и определяло характер первоначальных функций обществ торгово-промышленных служащих. Наиболее успешной была деятельность тех из них, развитие которых строилось по такой модели: 1) возможность членства в обществе не только коммерческих служащих, но и лиц из смежных сфер: банковской, строительной, медицинской, культурно-образовательной; 2) формирование паевого фонда за счет минимальных размеров вкладов и привлечения большого количества представителей социальной группы к членству в обществе; 3) приоритет в предоставлении кредитов для действительных членов товарищества: в первую очередь для открытия собственного дела, во вторую — на потребительские и социальные цели. Основными принципами деятельности обществ были социальная ответственность, взаимодействие и развитие корпоративного духа. Общества взаимопомощи брали на себя широкий ряд функций: финансовой помощи, предоставления образовательных услуг, медицинской помощи, благотворительности, социального страхования, трудового посредничества, сотрудничества с властями и общественным самоуправлением (в том числе по регулированию режима труда).

Виктория Смакота (Институт социологии НАНУ) в докладе *“Ценности труда современных украинских рабочих”* представила результаты исследования рабочих промышленных предприятий Украины, проведенного Институтом социологии в 2013 году. Большинство рабочих (около двух третей опрошенных) воспринимают свой труд в целом позитивно (как деятельность “по душе”), вместе с тем 71% считают недостаточным материальное вознаграждение своего труда и лишь 8% оценивают свою зарплату как вполне соответствующую затратам труда. Результаты экономических преобразований (приватизацию крупных и малых предприятий, передачу в частную собственность земли) рабочие оценивают более негативно, чем другие категории населения. Большинство опрошенных рабочих отмечают падение престижности в украинском обществе рабочих профессий и среднего специального образования. Лишь 14% опрошенных выразили желание, чтобы их дети (внуки) продолжили рабочую династию, 69% желали бы для них иной трудовой перспективы. Среди основных опасений, характерных для 60% опрошенных рабочих, — снижение зарплаты, увольнение, перевод на неполный рабочий день/неделю, урезание бонусов, премий, социального пакета.

Виталина Буткалюк (Институт социологии НАНУ) в докладе *“Качество жизни украинских рабочих”* на основе данных исследования рабочих 2013 года сделала вывод о низкой оценке большинством опрошенных рабочих уровня и качества их жизни. Так, соотношение удовлетворенных и неудовлетворенных жизнью составляет 44% к 24%, положением в обществе — 36% к 28%, работой — 39% к 27% (как видим, соотношение в пользу удовлетворенных). Оказалось, что наибольшую фрустрацию у рабочих вызывает отсутствие уверенности в своем будущем (60%), возможность полноценного отпуска (59%), досуга (50%) и оплаты медицинской помощи (42%), нормальных жилищных условий (37%) и полноценного питания (36%). Докладчица также проанализировала видение украинскими рабочими общей политической ситуации в стране и отношение к социально-экономическому неравенству. В описании существовавшего в Украине на момент опроса (2013 год) социального порядка/строения большинство респондентов-рабочих признают адекватными такие характеристики, как “безработица” (60%), “расслоение на богатых и бедных” (54%), “нестабильность в обществе” (41%), “эксплуатация одних людей другими” (37%); по мнению меньшинства рабочих, ситуация характеризуется понятиями “демократия” (13%), “возможность создать свой бизнес” (7%) и “право открыто выражать свой выбор” (5%). На вопрос “Можно ли нажить миллионы в Украине чест-

ным трудом?” 92% ответили отрицательно, а вот в оценке справедливости расслоения украинского общества на богатых и бедных мнения рабочих были не настолько однозначными: 53% назвали это явление абсолютно несправедливым, однако 40% считают его справедливым, если богатство получено честным путем, а еще 4% вполне справедливым, поскольку каждый достоин своей участи.

В рамках презентации выставки советского плаката **Ирина Вештак-Остроменская** (художник, галерист, член Союза художников Украины, участница международных выставок плаката; см.: <http://www.posterua.com/posters.html>) выступила с докладом “*Территория плаката*”, кратко охарактеризовав феномен плаката и затем проанализировав историческую изменчивость художественного языка и тематики послевоенного советского плаката, отношений власти и художника. Из всех видов искусства самый быстро и легко изменяемый по форме, плакат оставался самым консервативным по содержанию до конца 1980-х. Феномен социалистического плаката интересен тем, что это был самый массовый выход художников в народ за все время существования мирового искусства. Плакаты издавались тиражами от 5 до 50 тысяч, имели копеечную стоимость и всевозможными путями расплозились на стены, стенды, рекламные тумбы и заборы, в уменьшенном размере расходились по стране на почтовых открытках, обложках журналов. В Украине плакаты издавали “Политиздат Украины”, “Мистецтво”, “Агитплакат”, “Киноплакат”, театры и цирки, всевозможные общества. Заказчиком в советское время выступало главным образом государство. Работа художника-плакатиста в тоталитарном государстве, которое притворяется демократическим, можно охарактеризовать как “коллективную творческого процесса” (выпустить плакат в жизнь, а значит и корректировать его создание могли редактор, худсовет и разрешительная система; эта коллективная ответственность приводила к размыванию индивидуальности художника, хотя и самоцензура советского художника была очень велика). Украинский плакат имеет те же тенденции в развитии, что и европейский. Весь прошлый век плакат жил на улицах и обслуживал все информационные потребности общества, рекламируя как идеи (в СССР — родине тотального дефицита — больше рекламировать было нечего), так и товары (что более характерно для остальной части мира). Стилистику советского плаката в 1950-е годы питал соцреализм с явной окраской академизма. Как правило, это хорошо нарисованная жанровая картинка, обобщенный образ (чаще рабочего или колхозника), выработка знаковых типажей. В 1960-е годы после тридцати лет идеологического прессинга чуть-чуть попустила цензура, и художники занялись формальными решениями; в лучших плакатах того времени — возврат к стилистике 1930-х — напряжение конструктивизма и супрематизма, изысканность арт-деко. Период хрущевской оттепели — формирование украинской национальной графики. В 1970-е — годы застоя не только в экономике страны — стертая индивидуальность образов, творческих почерков — штампы, штампы, штампы... Гнетущее для творчества время. 1970–1980-е — тема классовой борьбы перешла в тему борьбы как таковой. Боролись “против” империализма, войны, разгильдяйства и “за” построить, посеять, собрать. Вместе с тем это период трансформации в пластике; появляется новый, отвоеванный плакат-знак; декоративность, преобладание фактур (признаки формализма); человек выступает лишь как составляющая промышленного пейзажа и часть декора. Принципиальные изменения произошли в конце 1980-х, в период перестройки. Если на Четвертой республиканской выставке плаката в 1987 году были представлены преимущественно “кондовые” советские агитационные плакаты, то на Первой киевской биеннале плаката в 1989 году четко обозначились новые тренды: тема самоидентификации — сохранение украинского языка, культуры, национальных памятников, обличение потребительства; задача выжить как виду — постчернобыльский синдром, борьба за сохранение природных ресурсов, против курения, пьянства, тема детей в детских домах, а также перестройка, обличение бюрократии, антисталинская тема. Это взлет украинского плаката — гражданская позиция соединилась с высоким профессионализмом,

но на этом подъеме украинский плакат умирает физически. Из трех условий существования плаката (наличие художника, технологических возможностей тиражирования и заказчика) исчезают два: плаката нет без тиражирования, тиражирования нет без заказчика (заккрытие официальных издательств). Возрождению плаката в начале XXI века опять способствуют технологии — большеформатные плотеры и интернет открывают новые возможности для распространения, заменяя печатное тиражирование; гражданская позиция автора становится заказчиком, фейсбук — средой единомышленников; при этом художником часто становится не профессионал, а пользователь компьютера с графической программой.



Завершил работу конференции круглый стол, где обсуждались два вопроса — *об успехах/проблемах и о перспективах отечественного классового анализа* (модератор — Елена Симончук). Ольга Куценко выразила мнение, что наступает время перехода отечественного классового анализа на качественно иной уровень — от картографирования классов и накопления умений методологического характера (прежде все-

го связанных с количественными исследованиями) к более “смыслонасыщенным” исследованиям и соответствующей (главным образом, качественной) методологии. Знакомство с выставкой плакатов вдохновляет обозначить контуры возможной перспективы внесения культурно ориентированных подходов в изучение классовой проблематики, тем более, что в отечественной социологии культурные проявления классов изучены крайне слабо. Можно сформулировать много перспективных тем для будущих исследований, например: как меняются в историческом времени образы рабочих, крестьян, интеллигенции и представления этих образов художниками; каковы культурные маркеры отнесения индивидов к рабочему классу, к “белым воротничкам”, бизнес-классу, прекариату и т.п.; коснулась ли представителей служебного класса пролетаризация (в советское время обнаруживались существенные различия, причем не столько по уровню доходов, сколько по стилю жизни, стратегиям воспитания детей). Примером могут стать работы французских коллег о механизме передачи из поколения в поколение культурного капитала в семьях с разным классовым происхождением, о влиянии этих различий на жизненные пути “детей”. Полезно было бы изучить, как отражаются различия в культурном капитале семей разного классового статуса в Украине на жизненных планах и успехах молодых выходцев из таких семей.

Елена Симончук согласилась, что в последнее десятилетие академические исследователи действительно увлекались преимущественно массовыми опросами, что, пожалуй, было оправдано тем, что впервые появилась возможность участвовать в крупных международных сравнительных проектах, на практике овладеть методологическим и инструментальным аппаратом западного классового анализа, получить опыт анализа отечественных социоструктурных реалий в широкой сравнительной перспективе. Продолжая в будущем исследования в рамках “количественной линейки” и накапливая данные крупных проектов, в повестку дня следует включить задачу расширения наших методических инструментов за счет всего многообразия качественных методов — фокус-групповых, визуальных, лингвистических. Кроме того, к слабым местам в организационной сфере отечественного классового анализа стоит отнести малочисленность стабильных исследовательских центров по конкретной классовой тематике, недостаток внимания к исследованиям средних и мелких собственников, социальной структуры села, рабочего класса. **Ольга Балакирева** отметила необходимость большей коммуникации среди отечественных исследователей и лучшей информированности о сделанном в социоструктурном направлении. Например, Институт экономики и прогнозирования НАН Украины располагает материалами ряда проектов, которые могут быть привлечены заинтересованными исследователями для вторичного анализа; это, в частности, исследование госслужащих и их ценностных ориентаций и два опроса представителей малого и среднего бизнеса. В коллекцию массивов, составляющих эмпирическую базу классового анализа, помимо проектов, представленных в докладе Е.Симончук, следует добавить массивы Европейского / Мирового исследования ценностей, куда Украина входит с 1996 года (в наличии массивы шести волн, которые находятся в открытом доступе и которые содержат переменные о социальной позиции и социальном происхождении респондента, ценности, оценки уровня свободы, демократии, экономического развития страны, религиозных ориентаций и практик). **Сергей Макеев** отметил, что на сегодня мы имеем современные исследования на основе разнообразных классовых схем, и стоит с пиететом относиться к тому, что сделано в плане методического обеспечения исследования классов. С другой стороны, оказывается, что дискурсы о классах ведутся не только в науке и политике, но и в беллетристике (на конференции приводилось много примеров), в изобразительном искусстве (Ирина Вештак-Остроменская продемонстрировала это на примере плакатов), в повседневных разговорах (это обнаруживается в ходе глубинных интервью). Оказывается, общество непрерывно и в разных формах ведет этот дискурс. Интересно бы совместить все эти дискурсы... Или, напротив, стоит перестать говорить о классах?

Последний вопрос С.Макеева вызвал оживление в аудитории и повернул направление дискуссии в другое русло. **Елена Симончук** обратила внимание, что понятие “класс” маргинализировано в западной и постсоветской социологии, поскольку в последние десятилетия оно стало крайне неопределенным и многозначным, многие исследователи при анализе современного общества отказываются от классовой оптики. Для обогащения наших представлений о путях изучения класса инициирована публикация перевода широко цитируемой западными социологами книги “Подходы к классовому анализу”, изданной в 2005 году под редакцией Э.О.Райта¹ и содержащей наиболее полное и удачное изложение современных конкурирующих подходов к пониманию класса. Этот термин не имеет в настоящее время однозначного определения, и, говоря о классе, всегда следует уточнять вкладываемый в него смысл. **Ольга Куценко** отметила, что использование понятия “класс” основывается на нашей условной договоренности, что считать классом, как использовать соответствующую аналитическую категорию. Сама О.Куценко выделяет два ключевых фактора образования социальных классов (отношение к власти и собственности), а соответствующие характеристики как системообразующие в концептуализации, интерпретации и операционализации понятия социального класса в целях эмпирического исследования. Если в обществе есть сочетание отношений *власти vs подчинения* и *владения благами vs ограничения доступа к ним*, есть смысл говорить о классах. Это — гносеологический момент нашей договоренности, сквозь такую призму аналитический конструкт “социальный класс” будет отражать те значимые онтологические различия, которые есть в обществе. Кстати, аналитический интерес к классовому анализу поддерживается и тем, что в массовых опросах многие респонденты легко отвечают на вопросы о своей классовой идентичности; значит, эти образы и символические конструкции все-таки функционируют в массовом сознании, а не являются продуктом исключительно социологического воображения. **Елена Симончук** заметила, что в ее практике интервьюирования с 2000 года представителей среднего и рабочего класса при изучении классовых идентичностей и представлений было зафиксировано, как некие концепты трансформируются в повседневном дискурсе. Например, в начале 2000-х годов представители среднего класса редко без подсказки интервьюера идентифицировали себя со средним классом, а в середине 2000-х произошел заметный сдвиг — с этой категорией себя стали отождествлять даже малоквалифицированные рабочие. В этот период данная категория стала активно востребована в политическом, научном и медиа-пространстве, и люди тут же стали ее “присваивать”. **Сергей Макеев** отметил, что западные социальные историки обнаружили, что, начиная с 1950-х годов, понятие “средний класс” (точнее — “средние классы”) вытеснило понятия “буржуа/буржуазия”, “пролетариат”, широко востребованные в публичной и научной среде с середины XIX века. В Украине к 2000-м годам произошло то же самое под влиянием средств массовой информации. Этот термин вдруг очень быстро проник в массовое сознание, почти вытеснив термины “рабочий класс”, “крестьянство” и “интеллигенция”. **Ольга Куценко** привела пример привлечения литературных источников для эффективного развития социологического воображения студентов. В рамках учебного курса “Социальная структура” предлагался для анализа фрагмент повести Николая Гоголя “Невский проспект”, представляющий собой социологическое наблюдение за представителями разных статусных групп в течение дня, которые проходят по Невскому проспекту. Читая Гоголя и знакомясь с его описанием образов статусных групп, составленных автором на основании неких символических маркеров, студенты готовы идти на Крещатик и делать подобные наблюдения.

Активное обсуждение во время круглого стола вызвало предложение **Наталии Бойко** (Институт социологии НАНУ) обсудить высказанное Евгением Головахой в

¹ Approaches to Class Analysis / E.O.Wright (ed.). — Cambridge University Press, 2005.

своим приветственным словом мнение о появлении новых классов, в частности “фейсбук-класса”. По мнению **Ольги Куценко**, фейсбук не может сформировать класс, в его рамках формируется некая культурная общность индивидов, достаточно подвижная, не имеющая выраженных границ, но по мере увеличения числа фейсбук-пользователей и продолжительности таких практик эти общности множатся, структурируются. Они несомненно являются эффективными способами коммуникации и (как показала новейшая история Украины) каналами солидаризации и мобилизации, оказывающими влияние на сознание людей и провоцирующими их к коллективным действиям. Сложно прогнозировать, что на их основе сформируются классы, но определенно формируются группы по интересам, структурируются социокультурные среды. На мой взгляд, уточнила О.Куценко, классовый анализ продуктивно использовать для объяснения различий в сознании и поведении людей на основе изучения стабильных больших социальных общностей, которые по-разному включены в отношения власти и собственности. Для анализа же фейсбук-сообществ (множественных, иногда анонимных) больше подходит сетевой, социокультурный анализ. Каждый инструмент нужно использовать в той сфере, где он работает. **Ольга Балакирева** в дискуссии о фейсбук-классе обратила внимание на идею Андрея Гриценко (зам. директора Института экономики и прогнозирования), предложенного в 2015 году в рамках исследовательского проекта об экономическом факторе модернизации концепцию о появлении “нетмена” — “нового человека”, отключенного от влияния различного рода коллективов (где солидарности и идентичности размываются), но вовлеченного в сети связей, имеющего ситуативные солидарности, гибкие идентичности и соответственно по-разному себя ведущего в разных ситуациях. Этот концепт может оказаться довольно перспективным в объяснении социоструктурных инноваций.



Завершая работу конференции, ее организаторы отметили, что заинтересованы регулярно проводить такие фокусированные, узкотематические встречи исследователей и почитателей классовой проблематики с целью и надеждой оживить отечественный дискурс относительно классового анализа. В 2017 году сотрудники отдела социальных структур планируют конференцию о классовых идентичностях и разнообразных “классовых эффектах”.

*ЕЛЕНА СИМОНЧУК,
кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник отдела социальных структур
Института социологии НАН Украины*